
Лия
МАЛИНИНА
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
Мой БОСС
18+
Свести с ума или влюбить?

Лия Малинина

Мой босс. Свести с ума или влюбить

https://litres.ru/74825563
SelfPub; 2026

Аннотация

— Веня! Не беси меня! - рычал босс наступая на меня.

— Венера, — поправила его я, непроизвольно отступая на несколько шагов, — меня зовут Венера, – и сделав еще пару шагов уперлась спиной в стену. — Сергеевна.

— С ума ты меня сводишь, Венера Сергеевна! — он встал вплотную ко мне.

— Так может вам успокоительное принять? — холодно парировала я, а у самой тряслись поджилки.

— Ага, сейчас приму, — рявкнул он, схватил меня за затылок и впился в мои губы.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лия Малинина
Мой босс. Свести с ума или влюбить

Пролог

Господи, как жарко-то! Я ощущала себя курицей в духовке, которая не только запеклась, но и уже начинала подгорать. А все от того, что меня огромной ручищей прижимали к большому горячему телу.

Обладатель этого тела дышал мне прямо в затылок, и от этого дыхания волоски на шее вставали дыбом, а кожа покрывалась мурашками, несмотря на духоту.

Я попыталась пошевелиться, но тяжелая мужская рука, лежавшая на моей талии, только крепче прижала меня к себе и до меня медленно начало доходить чья это была рука.

В голове было пусто. Как в космосе. Только вместо звезд там медленно, вспышками, начали загораться картинки минувшего вечера…

Я начала потихоньку выбираться из его объятий. Осторожно, как сапер на минном поле. Приподняла его руку, попыталась откатиться к краю кровати. Матрас предательски скрипнул и я замерла, затаив дыхание.

— Не вошкайся, — прошептал мне в ухо хриплый ото сна голос. Рука на моей талии сжалась крепче, притягивая обратно. — А то на новый заход пойдем.

Я застыла, чувствуя, как его горячее дыхание обжигает шею.

— Звучит, как угроза, — промямлила я, прекратив по-

пытки эвакуироваться.

Черт! Где я свернула не туда? — думала я, панически соображая. Ведь у меня был план и ночь с боссом абсолютно не была его частью.

Глава 1

Венера

Утро началось с запаха яичницы и тяжелого взгляда отца.

Я спустилась на кухню, еще толком не проснувшись, в халате и с пучком на голове, и сразу поняла: дебаты, связанные со сменой моей работы, продолжатся.

Папа сидел за столом, нахмурившись, как перед докладом на планерке. Перед ним стояла чашка чая и тарелка с яичницей, к которой он не притрагивался. Мама хлопотала у плиты, делая вид, что ничего не замечает, но я видела, как напряженно она поглядывает в нашу сторону.

— Доброе утро, — сказала я осторожно, садясь напротив.

Отец поднял на меня глаза. В его взгляде читалось все, что он обычно оставлял за кадром: упрямство, забота и генеральская привычка решать все за других.

— Дочь, — начал он, и я уже знала, что последует дальше. — Ну что за бунт на корабле? Давай я поговорю со Степаном Петровичем, он пристроит тебя к себе в фирму.

Я вздернула подбородок и сжала кулаки.

— Ну нет, —резко проговорила я, качая головой. — Во-первых, я терпеть не могу блат, а во-вторых, твой Степан Петрович спит и видит, как наши семьи породнятся — путем

скрещивания меня с его сыночкой-корзиночкой. Поэтому я как-нибудь сама.

Отец нахмурился еще сильнее.

— Венера, я серьезно, — сказал он, и в голосе зазвучали его коронные командирские нотки, которые он обычно приберегал для подчиненных. — Это стабильность, надежность, Степан Петрович — уважаемый человек. Его сын — не «корзиночка», как ты выразилась, а перспективный молодой человек...

— Пап, — перебила я, отставляя чашку. — Я не собираюсь замуж за «перспективного молодого человека», которого мне выбрали на семейном совете. Я собираюсь строить карьеру. Свою. Понимаешь?

— А сколько раз ты еще планируешь менять места работы, пока построишь свою карьеру? — папа явно начинал выходить из себя.

Я же не могла ему сказать, что уволилась из компании, в которой проработала пять лет, из-за того, что новый начальник начал протягивать свои потные ручонки к моей заднице, а я, чисто на инстинктах, точным ударом колена превратила его драгоценные бубенцы в омлет, ну мне так показалось, по крайней мере, судя по его диким воплям.

Понятно, что после такого мы бы вряд ли сработались.

Папа смотрел на меня долгим взглядом, мама за спиной тихо вздохнула, но ничего не сказала. Она давно поняла, что спорить со мной бесполезно, когда я уперлась.

— У тебя есть хоть какой-то план? — спросил отец, и в его голосе послышалось что-то, похожее на любопытство.

— Есть, — кивнула я. — Через два часа у меня собеседование в «Романов-Строй». Это крупнейшая сеть строительных гипермаркетов в стране. Они ищут директора по маркетингу.

Отец хмыкнул.

— Романов? Это тот выскочка, который из ларька с гвоздями империю построил? — он покачал головой. — Говорят, характер у него — не приведи Господи.

— Как раз то, что мне нужно, — улыбнулась я и поднялась из-за стола. — Твой характер я уже двадцать восемь лет терплю, а тут — новый вызов.

Я подошла к нему, поцеловала в колючую щеку и потрепала по плечу.

— Не волнуйтесь, товарищ генерал. Я справлюсь. Я же твоя дочь.

Отец что-то проворчал, но я заметила, как уголок его губ дрогнул в улыбке. Он был упрямый, но я еще упрямее.

В назначенное время я стояла перед входом в головной офис «Романов-Строй». Высоченное здание из стекла и бетона, строгое, без излишеств, но с размахом. Я поправила воротник блузки, выдохнула и толкнула стеклянную дверь.

Секретарша на ресепшене, женщина с идеальной укладкой и взглядом цербера, проводила меня до кабинета генерального. Я шла по коридору, чувствуя, как сердце бьется

быстрее. За дверью с табличкой «К.Ф. Романов» меня ждало что-то, что могло изменить мою жизнь. Или не изменит и я ни с чем вернусь домой.

Я открыла дверь, вошла в кабинет и мысленно присвистнула.

Он сидел за огромным столом, откинувшись в кресле. Темные волосы, короткая щетина, тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей. Черная рубашка расстегнута на две пуговицы, рукава закатаны до локтей. Он был красив, как греческий бог, но скорее всего из той категории мужчин, которые появляются в твоей жизни, повышают самооценку, проводят с тобой пару ночей и, дав по газам, исчезают также стремительно, как и появились.

Я моргнула, прогоняя неуместные мысли, и подошла к столу.

— Венера Сергеевна, — представилась я, протягивая резюме. — На собеседование.

Он взял лист, опустил глаза, прочитал имя и фамилию... и начал громко ржать.

Не хихикать, не усмехаться, а именно ржать — запрокинув голову, схватившись за живот, как будто я ему рассказала лучшую шутку года.

— Иванова? — выдавил он сквозь смех. — Венера? Серьезно? Родители с юмором, да? А почему не Афродита?

Я стояла и смотрела на него. Внутри все кипело, но, пересилив себя, я мило улыбнулась, сложила руки перед собой

и сказала самым спокойным голосом, на который была способна:

— Очевидно потому, что меня назвали не в честь одной из древнегреческих богинь. Венера — это планета солнечной системы. Слышали, возможно?

Он перестал смеяться, ухмылка сошла с его лица.

Откинулся в кресле и в его глазах что-то мелькнул азарт. Будто он только что нашел на складе гвоздей что-то живое и интересное.

— Слышал, — сказал он медленно, растягивая гласные. — Планета, вторая от Солнца. Только вот, знаете, Венера Сергеевна, у этой планеты атмосфера токсичная. Кислотные облака, давление девяносто атмосфер. Так что имя вам подходит, ядовитая вы, я чувствую.

Я не отвела взгляда.

— А вы, значит, у нас Солнце? — уточнила я. — Вокруг вас все вращается?

— Ну, не все, — он усмехнулся. — Но вы, я смотрю, девушка с характером, это хорошо. У меня в компании слабаки не задерживаются.

Он взял мое резюме и начал читать. Медленно, внимательно, будто искал в нем что-то, к чему можно придраться. Я стояла и смотрела, как его глаза скользят по строчкам.

— Пять лет в «СтройГаранте»? — он поднял бровь. — Приличная компания и что случилось? Почему ушли?

Я молчала секунду, обдумывая, что сказать. Врать не хо-

телось, но и правду говорить было нельзя.

— Захотелось новых вызовов, — сказала я ровно.

Он поднял на меня глаза и так пристально на меня посмотрел, что я поняла: не поверил. Ни на секунду.

— Новых вызовов, значит, — повторил он. — А из «СтройГаранта» уходят с формулировкой «по собственному желанию» и без рекомендации от бывшего руководителя?

Я сжала зубы. Значит, он уже проверял. Ну конечно, такой, как он, не берет людей с улицы, он все про всех знает заранее.

— У меня есть рекомендации от коллег, — сказала я, — с которыми я работала. С руководителем не сложилось, бывает.

— Не сложилось, — эхом повторил он. — А что именно не сложилось?

Я выдержала его взгляд.

— Личное пространство, — сказала я спокойно. — Мне показалось, что мой руководитель его не уважал, пришлось объяснить. На языке, который он понял.

Несколько секунд он смотрел на меня, и в его глазах что-то менялось. Потом он вдруг коротко хмыкнул.

— На языке, который он понял, — повторил он задумчиво. — Забавно.

Он отложил резюме и поднялся из-за стола. Обошел его, встал, оперевшись бедром о край, и скрестил руки на груди. Теперь он был совсем близко, так близко, что я чувствовала

запах его парфюма — древесный, с горьковатой ноткой. И от этого запаха у меня пересохло во рту.

— Значит так, Венера Сергеевна, — сказал он. — Работа у меня сложная, люди — злые, конкуренты — еще злее, а я — хуже всех. Если вы думаете, что я буду гладить вас по голове и хвалить, вы ошиблись адресом.

— Я и не прошу гладить меня по голове, — ответила я.

— Отлично, — он улыбнулся. — Начинаете в понедельник, испытательный срок три месяца. За это время вы должны будете показать, чего стоите. Первое задание получите в первый же день.

— Какое? — не удержалась я.

— А вот это, — он усмехнулся, — сюрприз. Скажу только, что оно вам не понравится.

Он подошел к двери, открыл ее и кивнул в сторону коридора.

— Отдел кадров оформит документы.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как горят щеки и колотится сердце. В коридоре я прижалась спиной к холодной стене и закрыла глаза.

– Вот сволочь, — пробормотала я. — Ну все, мужик, ты сам напросился.

Глава 2

Венера

В понедельник я проснулась за два часа до будильника. Лежала в темноте, смотрела в потолок и внушала себе, что все нормально, что я справлюсь, что Романов обычный мужик с завышенным самомнением, а не бог с Олимпа.

Я встала, приняла душ, открыла шкаф и достала заранее подготовленную красную юбку карандаш, которая обтягивала мои бедра, как вторая кожа, строгую белую блузку, которая придавала моему образу строгости и элегантности, ну и конечно, лаковые лодочки на высокой шпильке.

Нанесла макияж, собрала волосы в тугой пучок и вышла из дома с запасом в сорок минут. По моим расчетам, я должна была приехать за пятнадцать минут до начала рабочего дня. Идеально для профессионала высокого уровня.

Но, как говорится: “Хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах”. Я вырулила со двора и почти выехала на проспект, когда из-за припаркованной газели прямо под колеса моей машины метнулась рыжая тень. Ударила по тормозам так, что сумка слетела с пассажирского сидения. Сердце ухнуло вниз, машина дернулась и замерла.

Я выскочила наружу, обежала машину и присела на корточки. Под бампером, сжавшись в комок, лежала собака. Ры-

жая, тощая, с ободранным ухом. Она не выла, не скулила, только смотрела на меня снизу вверх огромными глазами, в которых читалась вся мировая скорбь.

— Ты жив? — выдохнула я, присаживаясь на корточки. — Ну скажи, что жив.

Пес осторожно пошевелил лапой, потом попытался встать. Получилось с третьей попытки. Он хромал, но шел. Я провела рукой по его боку, крови не было. Похоже, обошлось. Только испугался.

Я посмотрела на часы, время поджимало.

— Ну нет, — сказала я вслух. — Только не сегодня.

Пес посмотрел на меня с укором и попытался лизнуть мою туфлю. На туфле осталось мокрое пятно. Я вздохнула, открыла переднюю пассажирскую дверь и подсадила его внутрь. Он свернулся на сиденье, положил голову на лапы и всю дорогу смотрел на меня преданными глазами.

Ветеринарная клиника располагалась недалеко от офиса и это меня радовало. Я заполнила кучу бумаг, оставила бедолагу на осмотр, клятвенно пообещав вернуться вечером и выскочила, как ошпаренная понимая, что катастрофически опаздываю.

До офиса я долетела настолько быстро, насколько позволяли пробки. Когда я наконец влетела в здание, секретарша на ресепшене проводила меня взглядом, полным немого осуждения. Я, не сбавляя шага, направилась прямиком к кабинету генерального. Стучать не стала — открыла дверь и

сразу вошла.

Романов сидел за столом, склонившись над бумагами. Поднял голову и его взгляд скользнул по мне сверху вниз. Задержался на красной юбке, потом на блузке, точнее на декольте, которое не скромно явило себя миру. Я проследила за его взглядом и чертыхнувшись застегнула на рубашке пару пуговиц, которые, видимо, расстегнулись, пока я возилась с собакой.

— Так лучше? — спросила я, поднимая глаза.

Босс крякнул, откашлялся и нервно ослабил галстук, а на его щеках проступили пятна.

— Вы опоздали, Сергея Венеровна, — начал он, и тут же поправился, покраснев еще сильнее: — То есть Венера Сергеевна. А я вас предупреждал.

— Простите, — сказала я ровно. — Пришлось помочь одному бездомному... псу. Он бросился мне под колеса.

— Псу? — переспросил он, и в его голосе послышалось что-то среднее между изумлением и недоверием.

— Да, — я кивнула. — Это, наверное, моя карма. Как и с мужчинами, знаете, как бывает: мечтаешь о добермане, а встречаются только блохастые дворняги.

Он смотрел на меня секунду, потом тряхнул головой.

— Ладно, хватит демагогию разводить, — сказал он жестче. — Знакомьтесь пока с коллективом и через час жду вас на совещание.

Час пролетел быстро. Я познакомилась с отделом марке-

тинга, который состоял их трех женщин и двух мужчин, и все смотрели на меня настороженно. Еще бы, в их стае появился чужак. В назначенное время мы собрались в конференц-зале. Романов уже сидел во главе стола, рядом расположились его сотрудники, все с папками и серьезными лицами.

— Поставщик поставил нам партию некачественной краски, — начал он. — Много нареканий от покупателей. Это удар по репутации и нам срочно нужно думать, как выйти из положения.

Он говорил минут пять, потом выдвинул идею. Я слушала внимательно, но чем дольше он говорил, тем сильнее мне хотелось встать и выйти. Его предложение сводилось к тому, чтобы замолчать проблему: убрать негативные отзывы с сайта, «перекрыть кислород» недовольным в соцсетях и сделать вид, что ничего не произошло.

Я откинулась на стуле, скрестила руки на груди и, когда он закончил, сказала на весь зал:

— Вы меня простите конечно, но большего бреда я никогда не слышала.

В зале повисла тишина. Коллеги побледнели и замерли, глядя кто в стол, кто в окно. Романов медленно повернул голову в мою сторону. Всем своим видом он напоминал царя зверей, на которого посмела гавкнуть какая-то моська.

— Вот как, — вкрадчиво произнес он. — Ну что же, продолжайте, Венера Сергеевна, раз уж начали.

Я поднялась и в зале стало так тихо, что я услышала, как

тихонько скрипнуло колесико моего кресла.

— Убрать отзывы — это не решение, — сказала я. — Это попытка заклеить скотчем трещину в плотине. Покупатели уже знают, что краска плохая. Они уже рассказали соседям, написали в соцсетях, сняли видео, где краска отслаивается через неделю. Вы можете удалить отзывы с сайта, но не можете удалить память людей.

Я сделала паузу.

— Нужно не прятать проблему, а признать ее открыто. С извинениями от поставщика, с компенсацией, с планом, как мы исправляем ситуацию.

Кто-то из начальников отдела тихо ахнул. Романов смотрел на меня не мигая, его скулы напряглись, пальцы вцепились в подлокотник. Я приготовилась к тому, что он сейчас скажет что-нибудь в духе «вы уволены», но он вдруг медленно откинулся на спинку и произнес:

— Интересно.

Он помолчал, потом добавил:

— Завтра, в девять утра, покажете мне стратегию. Подробно, с цифрами и графиками.

Я кивнула.

— Будет.

— Тогда все свободны, — он поднялся. — Венера Сергеевна, задержитесь на минуту.

Глава 3

Константин

Когда в кабинете остались только мы вдвоем, я сел за стол напротив Венеры, твердо намереваясь поставить эту дерзкую мадам на место или еще лучше, уволить. Прямо сейчас, пока она еще не успела пустить корни в моей компании... и в моей голове.

— Венера Сергеевна, — начал я, и голос прозвучал ровнее, чем я ожидал. — Вы понимаете, что только что нажили себе врага?

— Кого? — уточнила она, и в ее глазах мелькнула такая искренняя, почти детская заинтересованность, что я чуть не рассмеялся.

— Меня, — я усмехнулся. — Я не люблю, когда мои идеи при всех называют бредом. Даже если они таковыми являются.

— Учту на будущее, — сказала она, пожав плечами. — В следующий раз назову их бредом наедине.

Я хмыкнул. Вот ведь. Ни капли раскаяния. Сидит, смотрит прямо, а в глазах смешинка.

И тут я понял, что не могу ее уволить. Не потому, что она права, а потому, что она единственная, кто за последние годы сказал мне правду в лицо. Не за спиной, не шепотом в курилке, не в анонимном отзыве, а прямо, при всех.

— Знаете, что мне в вас нравится, Венера Сергеевна? — сказал я, и сам удивился, что голос звучит мягче, чем я планировал. — Вы не боитесь, и это редкость. Обычно ко мне в кабинет заходят люди, которые трясутся за свои кресла.

— А я не трясусь за кресло, я за то, чтобы выполнять свою работу хорошо, — она вздернула свой курносый нос, и в этом жесте было столько упрямства, что я невольно залюбовался ею.

— Я дам вам карт-бланш, — сказал я, и хлопнул ладонью по столу. — Делайте что хотите, но через месяц репутация компании должна быть чистой. Если справитесь — повышу оклад. Если нет — мы расстанемся. Без обид.

— Договорились, — она поднялась и направилась к двери.

— И еще, — окликнул я.

Она обернулась.

— Красная юбка — это, конечно, смело. Но у нас не модельное агентство, соблюдайте дресс-код, пожалуйста.

— Просто мне идет красный цвет, — ответила она, и в ее голосе не было ни капли кокетства. Просто констатация факта.

И тут я сказал то, что не должен был говорить. Но сказал.

— Идет, — согласился я, и сам услышал, как серьезно это прозвучало. — Именно поэтому и говорю. Слишком отвлекает.

Она на секунду замерла, и я увидел, как ее щеки чуть порозовели, а потом развернулась на шпильках и вылетела из

кабинета, оставив после себя легкий запах духов — что-то свежее, с цитрусовой ноткой.

Дверь за Венерой тихо закрылась, а я еще минуту смотрел на нее, будто ждал, что она вернется. Потом медленно поднял руку, провел ладонью по лицу и закрыл глаза.

Я вспомнил, как она влетела в кабинет утром — растрепанная, с расстегнутой блузкой. Как я уставился на нее, как у меня пересохло во рту, как я откашлялся и попытался сделать вид, что ничего не заметил. И как она, перехватив мой взгляд, спокойно застегнула пуговицы и спросила: «Так лучше?» с таким видом, будто это я был виноват, что она явилась полураздетой.

— Сергея Венеровна… — процедил я сквозь зубы, чувствуя, как горят щеки. — Дебил бл…, — процедил сквозь зубы фразу одного известного политика, которая в народе стала крылатой.

Тут же оборвал себя, но рука сама потянулась к галстуку — ослабить, потому что дышать было нечем. Тридцать семь лет. Своя компания, черт возьми, а я стою посреди собственного кабинета и краснею, как пацан, потому что новая сотрудница сводит меня с ума. И еще эта чертова красная юбка! И ведь она заметила, как я на нее отреагировал. Конечно, заметила, эта бестия все замечает.

А потом было совещание.

Я изложил ситуацию с краской и тут она откинулась на стуле, скрестила руки на груди и сказала на весь зал:

— Вы меня простите, конечно, но большего бреда я никогда не слышала.

Да что она себе позволяла?

Эта девчонка, которую я только что взял на работу, сидела в моем конференц-зале, среди моих подчиненных, и называла мои идеи бредом. При всех. При сотрудниках, которые не могли слова поперек мне сказать и смотрели на меня, как на цербера.

Я заставил себя вернуться к делам и выбросить из головы мысли об этой Венере… Милосской, богине-планете, которая одним своим появлением выбила меня, Константина Романова, из колеи.

Никогда такой ерунды со мной не случалось, всегда на первом месте был бизнес, ну а женщины… они оставались на "потом", но стоило только ей появиться в моем кабинете, как приоритеты стали неумолимо смещаться и мне это чертовски не нравилось.

На следующее утро я пришел на работу раньше обычного. Сам не знаю зачем. Может, хотел проверить, приедет ли она вовремя, может, просто не спалось.

Ровно в девять утра секретарь занесла мне папку с наработками Венеры. Я открыл ее и увидел план. Подробный, с цифрами, с графиками, с расписанными шагами и сроками.

Читал его и чувствовал, как у меня глаза лезут на лоб. Это было не просто хорошо, это было отлично. Она предлагала то, на что я бы никогда не решился сам. Публичные извине-

ния, дисконтная система, открытый диалог с недовольными клиентами и полная прозрачность.

Я дочитал до конца, откинулся в кресле и задумался. А потом сделал то, что сам от себя не ожидал. Я порвал его на мелкие кусочки, сложил все это в папку и вызвал секретаря.

— Передайте Ивановой, — сказал я ровно, не поднимая глаз. — Без пояснений.

Секретарь кивнула и вышла, а я остался сидеть, глядя на пустой стол.

Ну что, Венера Сергеевна, посмотрим, что вы на это скажете. Признаться, я ожидал, что эта фурия ворвется ко мне в кабинет через пять минут, с горящими глазами, со своим вздернутым курносым носом и с папкой, которую она, возможно, швырнет мне на стол.

Я даже приготовил несколько фраз, чтобы осадить ее, если она начнет переходить границы. Но она не пришла. Ни через пять минут, ни через час. Секретарь доложила, что Венера Сергеевна получила папку, поблагодарила и вернулась в отдел маркетинга. И все.

После обеда я собирался на встречу с поставщиками. Надел пиджак и уже собирался выходить, когда в кабинет вошла секретарь и как-то странно улыбаясь протянула мне папку.

— Венерочка передала, — пролепетала Зинаида Степановна и быстренько ретировалась из моего кабинета.

— Венерочка, значит, — пробубнил я, открывая папку,

— Не понял, — я ошарашенно смотрел на то, что передала мне Зинаида. — Вот выдра!

Ну что же… Эта игра мне все больше нравилась. Вот только у меня был один вопрос: кто из нас устанавливает в ней правила?

Глава 4

Венера

Я вылетела из кабинета Романова, чувствуя, как полыхают щеки. Юбка его, видите ли, отвлекает! Нормальная юбка! Красная, по фигуре — и что теперь, в мешок заворачиваться?

Пыхтела, шагая по приемной так быстро, что каблуки стучали по паркету, как пулеметная очередь. Но где-то глубоко внутри, под слоем праведного возмущения, что-то предательски подрагивало.

Это что, он так комплимент мне сделал что-ли? Да ну, бред. Такой, как Романов, никогда не посмотрит в мою сторону. Я же обычная. Ну да, мне говорят, что я хорошенькая — карие глаза, густые ресницы, длинные темные, немного вьющиеся волосы, фигура вроде тоже ничего.

Хотя, я бы скинула пару-тройку лишних килограмм, если бы кто-то спросил мое мнение. Нет. Не могу я ему нравиться. Он просто издевается. Напыщенный индюк!

— Деточка, что вы такая возбужденная? — раздалось у меня за спиной.

Я не успела даже дойти до двери приемной, моя рука уже лежала лежала на ручке, — как голос Зинаиды Степановны настиг меня. Я обернулась. Секретарь генерального смотрела на меня поверх очков, спущенных на нос, и в ее глазах

плясали чертики. Ну конечно, она все слышала. Эта женщина, наверное, знает о Романове больше всех в этом офисе.

— Да так, — я попыталась изобразить беззаботность, но голос предательски сорвался. — Совещание было... бурным.

— Бурным, значит, — Зинаида понимающе кивнула и похлопала ладонью по стойке. — Вернитесь-ка, на минутку.

Я не хотела задерживаться, но ноги сами понесли меня обратно. Зинаида Степановна была из тех женщин, которым почему-то хочется выложить все, даже если ты этого не планировала.

— Константин Федорович у нас, конечно, тот еще перец, — начала она, понизив голос. — Вы не думайте, он не со зла. Характер у него кремень, это да. Но сердце-то золотое, просто за броней это не каждый разглядит.

— Золотое? — я недоверчиво хмыкнула. — Что-то не заметно.

— А вы присмотритесь, — Зинаида подняла палец. — Он вон с утра до ночи на работе, все на себе тащит. А почему? Потому что доверять никому не привык. Его же все вокруг предать норовят. Думаете, легко ему? Вот был бы у него кто-то рядом... семья, дети. Глядишь, и добрее бы стал, и улыбался бы чаще.

Она посмотрела на меня как-то странно и слишком внимательно, будто пыталась разглядеть что-то во мне.

— А вы, Венера Сергеевна, замужем? — спросила она вдруг.

— Нет, — я опешила от такого поворота. — А при чем тут...

— Да ни при чем, — Зинаида замахала руками. — Это я так, по-стариковски, мысли вслух. Бегите, бегите, у вас же работа.

Я коротко попрощалась и наконец вышла из приемной, чувствуя странное послевкусие от этого разговора. Отдел маркетинга выделил мне небольшой кабинет в конце коридора — маленький, но очень уютный.

Я села за стол, включила компьютер и на весь остаток рабочего дня погрузилась в разработку маркетинговой стратегии по восстановлению имиджа компании.

К вечеру план был готов. Идеальный, как мне казалось. Я перечитала его трижды, поправила пару формулировок, нарисовала графики и диаграммы. Утром, сияя как начищенный самовар, я принесла папку Зинаиде Степановне и, довольно потирая ручки, вернулась на рабочее место, предвкушая восторги Романова.

Ждать пришлось недолго. Через час Зинаида зашла в мой кабинет с какой-то виноватой миной и молча положила папку на стол.

— Константин Федорович сказал, без пояснений, — пролепетала Зинаида и быстро ретировалась.

Открыла ее и застыла. Мой план, мой идеальный, выверенный до последней запятой, план, был разорван в клочья. Аккуратно, методично, будто кто-то уничтожал его с особым

удовольствием.

Я хотела рвать и метать. Нет, серьезно. Внутри все клокотало от ярости. Вот же... Вот же... индюк напыщенный! Он же сам дал мне карт-бланш. «Делайте что хотите», — сказал он. А теперь что? Порвал мою работу в клочья, как последний... чудак, на букву "М".

Не моргая, смотрела на клочки бумаги, и чувствовала, как гнев медленно закипает в груди. Ну и самодур же ты, Константин Федорович! Я прошлась по кабинету туда-сюда, выругалась сквозь зубы, вспомнив пару нелитературных слов из лексикона моего отца-военного, потом еще раз прошлась, потом еще. Пыхтела, психовала, называла его последними словами — мысленно, конечно, не вслух, все-таки не хотелось прослыть сумасшедшей в первые же рабочие дни.

А потом... выдохнула. Остановилась посреди кабинета, посмотрела на разорванные клочки, и на моем лице медленно расползлась мстительная улыбка. Ах, так? Ну ладно. Уволит, так уволит. Я открыла ящик стола, достала скотч и села за стол.

Час я методично склеивала лист по кусочкам. Это было почти медитативно. Кусочек за кусочком, полоска за полоской. Пальцы слипались, на столе выросла гора мусора от обрезков скотча, но я не сдавалась. К концу часа мой план снова обрел относительно приличный вид — весь в швах, как Франкенштейн, но читаемый.

Я откинулась на спинку стула и полюбовалась своей рабо-

той. Потом написала на стикере крупными буквами: «Склеила. Читабельно. Если есть какие-то вопросы, касательно реализации плана, готова обсудить. И не рвите больше мою работу. Пожалуйста», — приклеила его на первую страницу и понесла папку Зинаиде.

— Передайте Константину Федоровичу, — сказала я с самой очаровательной улыбкой, на которую была способна. — Без пояснений.

Зинаида Степановна посмотрела на меня, на папку, потом снова на меня. И вдруг расхохоталась — звонко, искренне, до слез.

— Ох, деточка, — выдавила она сквозь смех, вытирая глаза платком. — Ну и заноза же вы, давно я такого не видела. Быть может, вы и есть то, что ему нужно.

Я не стала уточнять, что она имеет в виду, просто подмигнула и вернулась в свой кабинет. Пусть теперь Романов поломает голову над моим посланием. И если он думает, что эта игра только для него, то он крупно ошибается.

Глава 5

Венера

На следующее утро я пришла на работу пораньше, надела строгое серое платье, собрала волосы в тугой пучок и мысленно готовилась к новой битве. Ровно в десять в моем кабинете зазвонил телефон. Это была Зинаида Степановна, которая голосом заговорщицы сообщила:

— Константин Федорович просит вас к себе, — и добавила шепотом: — Он с утра как туча, сидит, бурчит что-то себе под нос, папку вашу вертел-вертел, чуть не порвал опять, ей-богу.

Я поблагодарила ее и направилась к кабинету генерального. Сердце колотилось где-то в районе желудка, но я запретила себе трусить. Открыла дверь, вошла и сразу увидела его, сидящего за столом и склонившегося над моей многострадальной папкой.

— Это что за кружок «очумелые ручки»? — он поднял голову, нахмурив брови, и продемонстрировал мне склеенный план.

Я не моргнула глазом.

— Проект маркетинговой стратегии, — ответила я спокойно. — Мне показалось, что вы его не оценили по достоинству, решила дать вам перечитать.

Он уставился на меня так, будто я только что призналась

в тяжком преступлении.

— Венера Сергеевна, — прорычал он, и в голосе зазвучали командирские нотки, — что вы себе позволяете? Вы здесь наемный работник!

— А вы хозяин компании, — парировала я, — а ведете себя, как самодур.

— Как само... кто? — его брови поползли наверх.

— Са-мо-дур, — повторила я по слогам, четко и раздельно. — Человек, который действует по личному произволу, не считаясь с общими интересами. Определение из словаря, если что.

Он молчал и смотрел на меня так, будто впервые видел. Потом медленно откинулся в кресле и скрестил руки на груди — поза защитная, но в глазах уже не было прежней ярости. Там мелькнуло что-то другое: Любопытство? Азарт?

— Вы в кого такая бесстрашная? — спросил он наконец.

— Сама в себя, — я пожала плечами. — Не забывайте, я не держусь за кресло, а пытаюсь делать свою работу. План действительно годный, заверяю вас. У меня есть цифры, прогнозы, обоснование каждого шага. Если вы дадите мне шанс, я докажу.

Он задумался, покачал головой, будто споря сам с собой, потом отрывисто кивнул.

— Ну ладно, делайте. Но если он провалится, я не знаю, что с вами сделаю.

Я развернулась на пятках и направилась к выходу из его

кабинета, пробубнив себе под нос:

— А вот я, кажется, знаю...

— Что вы сказали? — тут же прилетело мне в спину.

Я обернулась через плечо и одарила его самой невинной улыбкой.

— Хорошего дня говорю вам, Константин Федорович.

— У меня есть условие, — продолжил он, не дав мне уйти. — Вы сами принимаете в этом балагане непосредственное участие. Покажите, что можете не только стратегию на бумаге писать, а и ручками работать. Лично. Понятно?

Я пожала плечами и с победной улыбкой вышла из кабинета. Условие так условие. Мне даже интересно стало.

Гордо прошествовала мимо секретарши, а Зинаида Степановна посмотрела на меня хитро, подмигнула и проговорила одними губами:

— Молодец, девочка.

Всю следующую неделю я занималась подготовкой к акции в одном из магазинов сети. План был прост, но красив: мы превращали отдел красок в интерактивную зону, где покупатели могли не только купить товар, но и поучаствовать в конкурсах, получить скидки и консультацию от настоящих мастеров.

Я наняла персонал — молодых ребят, которые в костюмах маляров будут рекламировать магазин, раздавать флаеры и создавать настроение.

Всю эту неделю я практически не видела Романова, лишь

изредка сталкивалась с ним в коридорах офиса. Он коротко кивал и проходил мимо. Ни тебе подколов, ни придирок, только сухой кивок и стремительный шаг. Мне это даже начало казаться странным.

— А Константин-то Федорович наш, будто сам не свой, — поделилась как-то Зинаида Степановна, когда я заглянула к ней за бумагами. — Ходит хмурый, дверь в кабинет закрывает, на совещаниях молчит. Раньше хоть рычал на всех, а теперь... — она вздохнула и покачала головой. — Может, заболел?

Я пожала плечами и сделала вид, что мне все равно, но где-то внутри царапнуло. Неужели из-за меня? Да нет, глупости. Взрослый мужик, хозяин компании, мало ли у него забот — поставщики, конкуренты, злополучная краска, в конце концов. Я выбросила его из головы и вернулась к работе.

День мероприятия выдался солнечным. Я приехала на место за два часа до открытия, чтобы все проверить. Надела комбинезон маляра — практичный, с кучей карманов, а под него короткий топ, который подчеркивал все прелести моих верхних девяноста.

Волосы собрала в высокий хвост, на ноги надела удобные кроссовки. В таком виде я и встречала первых покупателей, контролируя весь процесс, общаясь с людьми, помогая, где нужно.

Акция шла отлично. Люди приходили целыми семьями, дети с восторгом участвовали в конкурсах, родители фото-

графировали, делились в соцсетях. Я уже предвкушала, как отчитаюсь перед Романовым, когда почувствовала, что кто-то взял меня за руку.

— Хорошая у тебя работа, доченька, — раздался знакомый голос.

Я обернулась и не поверила своим глазам. Рядом стоял папа — в обычной клетчатой рубашке, с хозяйственной сумкой в руке. Он совсем не был похож на генерала, который держал в страхе все управление.

— Привет, папуль! — я тут же обняла его и поцеловала в гладко выбритую щеку. — Как ты здесь оказался?

— Да вот, решил купить краску для забора, — он улыбнулся. — А тут такое представление! Ты, что ли, все это организовала?

— Я, — гордо кивнула я. — Нравится?

— Много покупателей привлекли? — спросил он, приобняв меня за талию и оглядываясь по сторонам.

Я не успела ничего ответить. Над нашими головами прогрохотал такой бас, что, кажется, дрогнули стены:

— РУКИ УБРАЛ ОТ НЕЕ, СТАРЫЙ ИЗВРАЩЕНЕЦ!

Мы с отцом резко обернулись. Перед нами стоял злющий Романов. Лицо красное, желваки играют, кулаки сжаты. Он смотрел на отца так, будто готов был испепелить его на месте. И откуда он только взялся? Вроде бы он не планировал сегодня быть здесь.

— Знакомься, папа, — тихо проговорила я, чувствуя, как

внутри что-то екнуло от этой нелепой сцены. — Романов Константин Федорович, мой босс.

— Папа? — ошарашенно пробормотал шеф и почесал затылок.

Давайте знакомиться с нашими героями

Константин Романов, 37 лет

владелец сети строительных гипермаркетов, не женат

Венера Иванова, 28 лет

головная боль господина Романова, маркетолог, не замужем

Глава 6

Венера

Я смотрела на Романова и изо всех сил пыталась не расхохотаться. Его лицо, только что красное от ярости, сейчас стремительно меняло оттенки от пунцового к бледному, потом обратно. Челюсть отвисла, глаза округлились, а рука, которой он только что грозил моему отцу, застыла в воздухе.

— П-папа? — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Это... это ваш отец?

Папа тем временем медленно выпрямился. Я почувствовала, как напряглись его плечи под рубашкой, как он неуловимым движением сместился вперед, заслоняя меня.

— Генерал Иванов, — произнес отец ледяным голосом, от которого у меня самой по спине пробежал холодок. Он не протянул руку, просто стоял и смотрел на Романова так, что тот, по идее, уже должен был превратиться в пепел и осыпаться к нашим ногам.

— Генерал? — еще раз воскликнул Романов, и я увидела, как дернулся его кадык. — Генерал...

— Сергей Николаевич, — добавил папа все тем же тоном. — Для вас Сергей Николаевич.

Наступила гнетущая тишина. Я стояла между ними, чувствуя, как от отца исходит волна плохо сдерживаемой яро-

сти, а от Романова растерянность, которую он изо всех сил пытался скрыть за напускной бравадой.

— Я... — начал Константин Федорович, и я с удовольствием отметила, что голос его дал легкую трещину. — Прошу прощения, я неправильно понял ситуацию.

— Неправильно он понял, — папа повернулся ко мне, и в его глазах читалось все, что он думал о моем выборе места работы. — И это, — он кивнул в сторону Романова, — твой начальник? Тот, о котором ты говорила?

— Тот, — подтвердила я, чувствуя, как уголки губ предательски ползут вверх.

— Который «гений с завышенным самомнением»? — уточнил папа.

— Он самый, — кивнула я.

— Который «самодур и тиран»?

— Пап, ну хватит, — я все-таки не выдержала и прыснула.

Романов стоял, переводил взгляд с меня на отца и обратно, и я видела, как на его скулах играют желваки. Но он не отвел глаз, не стал оправдываться. Только я заметила, как его взгляд на долю секунды снова метнулся к папиной руке, которая лежала на моей талии. И как пальцы Романова едва заметно дернулись, будто он с трудом удержался, чтобы не сбросить эту руку самому.

Ревность — злая, собственническая, совершенно неуместная, полыхнула в его глазах и тут же погасла, спрятанная под маской вежливой сдержанности. Он моргнул, и

от нее не осталось и следа. Только желваки продолжали играть. — Сергей Николаевич, — он снова заговорил, и голос его звучал ровно, твердо, без единой дрогнувшей нотки, — я понимаю, что произвел не самое лучшее впечатление.

— Я увидел, что незнакомый мужчина обнял девушку, — продолжил он, и слово «девушку» прозвучало чуть тверже, чем следовало. — И счел своим долгом вмешаться и защитить ее. Я не знал, что вы ее отец.

Папа поднял бровь.

— Защищаете, значит?

— Защищаю, — Романов выдержал его взгляд. — И буду защищать дальше. Даже если для этого придется сначала наехать, а потом извиняться перед ее отцом-генералом.

Наступила такая долгая пауза, что я даже затаила дыхание, глядя то на одного, то на другого.

А потом папа вдруг коротко хмыкнул.

— Ну что ж, — сказал он, и в его голосе больше не было льда. — Хоть честно. Не то что некоторые — за спиной шепчут, в глаза улыбаются.

Романов открыл рот, чтобы что-то сказать, но тут, к его счастью, в наш уголок магазина влетела наша пресс-секретарь.

— Константин Федорович! — выпалила она, задыхаясь. — Там съемочная группа с телевидения, они ждут вас для интервью уже десять минут!

Я готова была расцеловать эту женщину.

— Да, конечно, — он дернул галстук, прокашлялся. — Сергей Николаевич, вынужден вас покинуть. Венера Сергеевна, — он повернулся ко мне, — еще увидимся.

Он развернулся и ушел, гордо расправив плечи. Ну царь зверей, не иначе.

Мы с папой остались вдвоем, я взглянула на него и не смогла сдержать улыбку. Отец стоял, покачивая головой, и смотрел на меня с выражением, которое я знала с детства: смесь укоризны, любви и искреннего недоумения.

— И ты променяла работу у моего друга на этого персонажа, — произнес он, сокрушенно вздыхая. — Я думал, что ты умнее.

— Пап, не начинай, — я махнула рукой. — Степан Петрович и его сыночка-корзиночка — это не моя история. А тут... тут хотя бы интересно.

— Интересно ей, — папа хмыкнул. — Ему видать, тоже интересно, раз как петух налетел, чуть драться не полез.

— Это он не налетел, — я улыбнулась, вспомнив вытянувшееся лицо Романова. — Это он защищал, как он думал, честь сотрудницы.

— Защищал он, — папа покачал головой, но в его голосе послышалась едва заметная усмешка. — Ладно, дочь. Взрослая, сама разбирайся. Но если он тебя обидит...

— То ты приедешь и научишь его уважать генеральские погоны? — я обняла его.

— То я приеду и объясню ему, как правильно извиняться,

— отец похлопал меня по спине. — А ты, если что, не молчи. Ты у меня девка боевая, но все же...

— Все же я справлюсь, пап, — я поцеловала его в щеку. — Иди уже, а то забор без краски так и стоит.

— Ух и настырная же ты, — он махнул рукой и направился к выходу, но у двери обернулся. — Венька!

— Пап!

— Что? Мать тебя так зовет, — он усмехнулся и вышел.

Я осталась стоять, чувствуя, как отступает напряжение. Акция шла своим чередом, покупатели сновали между стеллажами, дети визжали от восторга в игровой зоне, и я постепенно вернулась к работе.

Но мысли упорно возвращались к одному и тому же моменту. К тому, как Романов — мой невыносимый, самоуверенный, вечно всем недовольный босс, вылетел из-за стеллажей с перекошенным от ярости лицом и заорал на моего отца, решив, что он ко мне пристает.

Я машинально поправила флаеры на стойке и усмехнулась. Тогда, в первую секунду, я конечно испугалась. Реально подумала, что сейчас эти двое сцепятся, и мне придется разнимать генерала и генерального директора посреди строительного гипермаркета.

Но потом... потом я увидела его глаза. В них не было ни капли расчета или желания показать себя. Только чистая, злая, первобытная ярость от того, что кто-то посмел прикоснуться ко мне.

Ко мне.

Я остановилась посреди прохода, чувствуя, как внутри что-то тепло разливается от этого воспоминания. Глупо и как-то по-детски. Но он встал между мной и тем, кого посчитал угрозой. Не думая, не разбираясь, не выясняя обстоятельств и плевать он хотел, что перед ним был генерал, что это мой отец, что вся эта ситуация выглядела абсурдно. В тот момент для него существовала только я и то, что меня якобы обижают.

А потом, когда все выяснилось... он ведь не сбежал. Не стал лебезить перед папой, не начал оправдываться, как мальчишка, пойманный за руку. Он держал удар. Даже когда папа на него давил, а папа умеет давить, о, поверьте, я выросла под этим давлением, — Романов не согнулся. Признал ошибку, но не унизился. Сказал, что защищает своих людей.

Своих людей.

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться во весь рот. В голове услужливо всплыл его голос — резкий, с хрипотцой: «Руки убрал от нее!» И как у него дернулась жилка на шее. И как он сжал кулаки.

Тогда, в ту секунду, я почувствовала... нет, не страх. Что-то другое, от чего у меня под ложечкой засосало и в горле пересохло. Я вдруг увидела его совсем с другой стороны — не как самодура и тирана, а как мужчину, который способен заступиться. Не ради выгоды, не ради позы, а просто потому, что не может иначе.

Я тряхнула головой, прогоняя эти мысли. Не хватало еще влюбиться в собственного босса. В этого невыносимого, упрямого, самоуверенного... Который, между прочим, только что рискнул нарваться на неприятности с генералом, лишь бы защитить мою честь. Пусть даже защищать было нечего.

— Все, хватит рефлексировать, за работу Венера! А то витаешь в облаках, — сказала сама и себе и отправилась в зону, где проводили мастер-класс.

Романова я увидела только через час, когда он выходил из импровизированной студии, которую телевизионщики соорудили в углу магазина. Вид у него был более-менее спокойный, но, заметив меня, он почему-то сбился с шага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.